

Глава 8

Наклонившись, Мо Шиянь поправил на его голове шляпу и потуже затянул шнурок под подбородком.

Му Ан отвёл с лица волосы.

— Всё-всё, теперь вижу.

Мо Шиянь с улыбкой посмотрел на него: крошечная фигурка под огромной ковбойской шляпой, поля которой были шире его плеч. Он легонько коснулся макушки.

— В следующий раз брат купит тебе новую.

— Хочу точно такую же, как у тебя, — тут же закивал Му Ан.

— Маленький хитрец, — усмехнулся Мо Шиянь.

— Я не подражаю, — с полной серьёзностью возразил Му Ан. — Просто хочу, чтобы у нас с братом всё было одинаковое — и одежда, и шляпы. У тебя — большой размер, у меня — маленький. Тогда все сразу поймут, что мы — одна семья.

Мо Шиянь взял его за руку и повёл к конюшне. Он молчал, и Му Ан, словно маленький попугайчик, принялся теревить его руку, без умолку повторяя:

— Правда, братик? Ну правда ведь?

Если он не получал ответа, который его устраивал, он мог донимать вопросами бесконечно. Лишь когда Мо Шиянь наконец согласился, Му Ан радостно схватил охапку свежей травы и побежал кормить жеребёнка.

Мо Шиянь всё яснее понимал, что означала запись в его личном деле из приюта — «требовательный ребёнок». Му Ан и впрямь с самого детства был сложнее других детей: чувствительный, плаксивый, он остро реагировал на всё вокруг и тонко чувствовал любую перемену в обстановке. Его воспитание требовало от родителей двойного терпения и внимания. Сейчас он стал гораздо рассудительнее.

В приюте Му Ан, по сути, начал замыкаться в себе. Его молчание было подсознательным протестом, безмолвным выражением дискомфорта. Люди там относились к нему хорошо, но они не были его семьёй.

Лишь когда Мо Шиянь забрал его к себе, твёрдая скорлупа, которой он окружил себя, дала трещину. Окутанный ощущением безопасности и комфорта, Му Ан с каждым днём всё сильнее привязывался к Мо Шияню, нуждаясь в его постоянном внимании и отклике.

Сейчас, под его пристальным взглядом, Му Ан уже всюю обнимался со своим белоснежным ахалтекинцем.

Жеребёнок, которого специально подбирали за покладистый и ласковый нрав, съел несколько пучков травы и тут же доверчиво подставил голову, чтобы Му Ан его погладил. Тот был в восторге. Его ручки ещё не могли обхватить шею жеребёнка, и ему приходилось тянуться на цыпочках.

— Ты такой красивый, малыш, — он потёрся щекой о его шею. — У тебя даже ресницы белые,

так мило.

Жеребёнок вдруг тихонько заржал. Му Ан испуганно отпрянул, но Мо Шиянь тут же придержал его за плечи.

Ощувив поддержку, Му Ан повернулся и, обхватив ногу Мо Шияня, принялся жаловаться:

— Братик, кажется, я ему не нравлюсь. Я его кормлю, а он на меня рычит. Он что, не хочет, чтобы я на нём катался?

Мо Шиянь погладил гладкую, шелковистую гриву жеребёнка и объяснил:

— Он так здоровается, потому что ты ему нравишься.

— А? — Му Ан широко распахнул глаза. — Такое грозное приветствие?

— Да, — Мо Шиянь взял его руку и провёл ею по спине жеребёнка. — Почувствуй сам.

Шерсть под ладонью была ухоженной, блестящей и тёплой. Казалось, кончиками пальцев можно было ощутить его ровное сердцебиение. Жеребёнок был невероятно послушным. Он придвинулся ближе, обдав щеку Му Ана тёплым дыханием, а затем нежно лизнул его.

Му Ану стало щекотно, и он, сощурившись, рассмеялся.

У брата, должно быть, волшебные руки, раз он смог приручить даже жеребёнка.

— Хочешь прокатиться? — спросил Мо Шиянь.

— Хочу, хочу! — Му Ан знал, что сам не заберётся, и протянул к Мо Шияню руки. — Посади меня.

Мо Шиянь поднял его и усадил на спину жеребёнка. Убедившись, что тот крепко держится за поводья, он взял жеребёнка под уздцы и вывел из конюшни, сделав пару кругов по лужайке.

Му Ан впервые сидел верхом, и от гордости его распирало. Он чувствовал себя отважным героем, великим воином, и даже спину держал неестественно прямо.

Пусть брат пока побудет его конюхом. У каждого героя должен быть конюх.

Но когда жеребёнок шёл, шляпа на голове Му Ана раскачивалась и постоянно сползала на глаза. Ему приходилось то и дело поправлять её то левой, то правой рукой. Он надул губы. Это было совсем не круто.

Когда машина Мо Чэнсяо въехала в ворота поместья, конюх Мо Шиянь как раз вёл героя Му Ана на третий круг.

Семья из трёх человек предупредила о своём визите заранее. Машина ещё не успела подъехать к дому, как Мо Сюаньчжу заметил Му Ана на спине жеребёнка и, опустив стекло, закричал:

— Анань! Анань!

Му Ан, придерживая поля шляпы, посмотрел в их сторону. Узнав своего друга, он тоже замахал в ответ, но шляпа тут же съехала и закрыла ему всё лицо.

— Сюаньсюань, я здесь!

Услышав этот нежный, мелодичный голос, все трое в машине замерли.

— Мама, почему братишка Анань разговаривает? — с недоумением спросил Мо Сюаньчжу.

Лань Юэ закатила глаза, не удостоив его ответом.

Раз приехали гости, пришлось прервать игру. Му Ан слез с жеребёнка, и Мо Шиянь подвёл его поздороваться.

Он всё ещё придерживал шляпу рукой. На его белом личике от жары выступил лёгкий румянец. Он улыбнулся, и его глаза превратились в весёлые полумесяцы.

— Здравствуйте, дядя и тётя.

Сердца Мо Чэнсяо и Лань Юэ растаяли.

— Здравствуй, Анань, — сказала Лань Юэ. — Ты уже научился ездить верхом? Какой ты молодец!

— Я только учусь, — скромно ответил Му Ан.

— А со стороны выглядело очень уверенно, — похвалил его Мо Чэнсяо. — Твой брат Шиянь профессионально занимался конным спортом в Америке, он тебя всему научит в два счёта.

Му Ан взглянул на брата с восторгом и обожанием. Оказывается, его брат такой умелый, а он и не знал. Быть конюхом для него — пустая трата таланта.

Мо Чэнсяо и Лань Юэ приехали в основном для того, чтобы почтить память деда. Мо Шиянь повёл их на задний двор, оставив Му Ана развлекать Мо Сюаньчжу под присмотром тётки Чжун.

Мо Сюаньчжу очень заинтересовался жеребёнком, и Му Ан с гордостью ему его показал.

— Это и правда твой жеребёнок? — всё ещё не верил Мо Сюаньчжу.

— Правда, — кивнул Му Ан. — Брат подарил.

— Вот бы и у меня был брат, — с завистью сказал Мо Сюаньчжу, глядя мягкую гриву жеребёнка. — Я бы тоже попросил его подарить мне жеребёнка. Только не белого, а чёрного. Чёрные круче.

Му Ан нахмурился, прикрыл уши жеребёнка и прошептал ему на ухо:

— Нет, ты тоже очень крутой.

Мо Сюаньчжу, поразмыслив, пришёл к неожиданному выводу:

— Так ведь брат Шиянь и мой брат тоже! Попрошу его, чтобы и мне подарил!

Но Му Ан тут же отрезал от имени брата:

— Нельзя.

Мо Сюаньчжу плюхнулся на траву и, обмахиваясь рукой, спросил:

— Почему это нельзя?

Му Ан сел между ним и жеребёнком, словно разделяя их.

— Нельзя, и всё. Проси другого брата.

Мо Сюаньчжу задумался. Во-первых, их семья давно отделилась от основного рода Мо, и других братьев у него не было. А во-вторых, даже если бы и были, вряд ли они были бы так же богаты, как брат Шиянь.

— Анань, нельзя быть таким эгоистом, — заключил он.

Му Ан повернулся и из-под поля шляпы посмотрел на него своими большими, влажными глазами.

— Ты не можешь присвоить брата Шияня себе, — с важным видом продолжал Мо Сюаньчжу. — Мы оба носим фамилию Мо, мы с ним ближе. А ты — Му. Ты нам вообще не родственник.

Му Ан подумал и решил, что в этом есть доля правды. Но как брат может быть ближе к кому-то другому? К тому же, они с братом договорились быть семьёй. Мо Сюаньчжу при этом не присутствовал, так что простительно, что он этого не знает.

Поэтому Му Ан не обиделся. Он просто сорвал пучок травы и протянул жеребёнку.

— Сюаньсюань, ты не подумал, что даже если брат подарит тебе жеребёнка, что толку? — Му Ан невозмутимо изложил факты. — У тебя дома нет лужайки. Где ты будешь его держать?

Мо Сюаньчжу, владелец всего лишь одной жалкой виллы, потерял дар речи.

Похоже, ему не хватало очень многого.

Впрочем, Мо Сюаньчжу, хоть и был «беден», но, к счастью, обладал короткой памятью. Вскоре он забыл и про отсутствие лужайки, и про жеребёнка и с удовольствием играл с коньком Му Ана.

Конюх отстегнул поводья, и двое детей принялись наперегонки бегать с жеребёнком по лужайке. Проиграв, они начинали жульничать: один, смеясь, обнимал жеребёнка за шею, другой катался по траве.

В конце концов, оба вспотели. Тётя Чжун поймала их и посадила в тени, вручив каждому по большой бутылке с водой.

Мо Сюаньчжу пил неаккуратно, облив всю рубашку. Он вытер рот рукавом и увидел, что Му Ан, обхватив бутылку обеими руками, пьёт маленькими глотками через соломинку, не пролив ни капли.

— Анань, — спросил Мо Сюаньчжу, — я ведь тоже старше тебя. Почему ты меня братом не зовёшь?

Они были ровесниками, но Мо Сюаньчжу родился в январе и был старше Му Ана больше чем на полгода. Так что он имел полное право на такое обращение.

— У меня уже есть брат, — моргнув, ответил Му Ан.

— Ну и что, братьев может быть много, — Мо Сюаньчжу встал. — Называй меня братом Сюанем, и всё.

Му Ан отвернулся, всем своим видом показывая, что не намерен принимать его предложение.

Брат у него только один, и называть так кого-то другого он не собирался.

— Анань, братишка, ну позови меня так, — не унимался Мо Сюаньчжу, наклоняясь к нему и заглядывая в лицо. — Меня ещё никто никогда братом не называл. Ну что тебе стоит, как брата Шияня?

Му Ан повернулся к нему спиной.

— Нет.

— Ну разок! Что тебе, жалко? Брат Шиянь всё равно не услышит, его же здесь нет.

— Всё равно нельзя.

Мо Сюаньчжу чуть ли не на колени перед ним встал.

— Ну пожалуйста, Анань, мы же друзья! Ну помоги, пожалуйста, пожалуйста...

Му Ан и сам был тем ещё прилипалой, но когда приставали к нему, терпеть не мог. Он схватил бутылку и бросился бежать.

— Ну пожалуйста, пожалуйста! — кричал ему вдогонку Мо Сюаньчжу, преследуя его по всей лужайке.

Жеребёнок, увидев, что дети снова бегают, решил присоединиться к «соревнованию».

Му Ан, убегая, оглянулся через плечо, опасаясь, что Мо Сюаньчжу его догонит, но, повернувшись обратно, лоб в лоб столкнулся с чем-то большим и белым.

Он ударился головой о бутылку, и вода из неё выплеснулась, промочив его одежду ещё сильнее, чем у Мо Сюаньчжу. В ушах звякнуло. Он опустил взгляд и увидел в бутылке крошечный белый предмет. Проведя языком по дёснам, он с ужасом понял, что это его зуб.

Неподалёку уже показались Мо Шиянь и его родители.

Увидев знакомую фигуру, он больше не мог сдерживаться. Глаза мгновенно покраснели, и по щекам хлынули слёзы.

Он сжал губы и, крепко прижимая к себе бутылку, побежал к Мо Шияню.

Мо Шиянь, увидев, как он рыдает, не понимая, что случилось, подбежал к нему и, подхватив на руки, принялся вытирать ему слёзы.

— Что случилось, Анань?

Он спрятал лицо у него на плече и, шепелявя из-за дырки во рту, с отчаянием всхлипнул:

— Братик... Малыш... он выбил мне зуб... у-у-у...

<http://bllate.org/book/13682/1212292>